

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Е.А. СТЕПАНОВА

Глобальные тенденции в области одностороннего насилия против гражданского населения

Статья посвящена анализу современных мировых тенденций в области преднамеренного одностороннего насилия против гражданских лиц (терроризм, этнические чистки, геноцид и т.д.) в зонах вооруженного конфликтов.

Ключевые слова: одностороннее насилие, вооруженный конфликт, терроризм, этнические чистки, геноцид.

The author analyses the main modern trends in one-sided armed violence against civilians (terrorism, ethnic cleansing, genocide etc.) in armed conflict affected regions.

Keywords: one-sided violence against civilians, armed conflict, terrorism, ethnic cleansing, genocide.

За последние два десятилетия динамика, структура и характер организованного коллективного вооруженного насилия претерпели серьезные изменения. Они коснулись базовых параметров данного негативного явления: интенсивности, состава и числа участников, регионального распределения, характера основных противоречий, оспариваемых силовым путем, степени фрагментации, уровня транснационализации, структуры людских потерь и т.д. В отличие от обычной конвенциональной войны XX в. усредненный вооруженный конфликт начала XXI в. не обязательно предполагает четкую структуру вооруженного противостояния, ведущую роль государства и регулярных армий и интенсивные боевые столкновения и т.п.

Типичный современный конфликт – сложнейший клубок насилия разных видов, обычно имеющий средненизкую интенсивность. Вооруженное насилие в нем выходит далеко за рамки главной линии противостояния между основными комбатантами. Оно более фрагментировано, имеет размытые географические границы и может плавно перетекать от локального до транснационального. В таком конфликте, как правило, участвует большое количество вооруженных игроков, как государственных, так – и все чаще – негосударственных, движимых разными и многочисленными мотивами. Поэтому конфликтные ситуации все труднее строго отнести к какому-либо одному типу (этническому, религиозному, социально-политическому и т.п.). Отмечу, что не все из упомянутых игроков имеют отношение к линии конфликта, связанной с борьбой за государственную власть или за часть государственной территории. Многие из них заня-

ты исключительно борьбой за доминирование на локальном уровне и/или практикуют вооруженное насилие скорее криминального (полукриминального), чем традиционно военно-политического типа. И самое главное – хотя не все из участников, действующих в зоне конфликта, ведут борьбу друг против друга, большинство из них активно используют вооруженную силу против гражданского населения.

Современные вооруженные конфликты: общие тенденции

В конце XX–начале XXI в. тенденции в развитии организованного коллективного вооруженного насилия носили разнонаправленный характер. Они проявились в частичном или полном снижении одних его форм и активизации и выходе на первый план других (подробнее см.: [Степанова, 2008; 2009]). Наиболее значительные изменения коснулись основной и наиболее смертоносной формы вооруженного насилия – собственно конфликта, то есть применения вооруженной силы организованными военными формированиями, как минимум, двух противоборствующих сторон в борьбе за государственную власть или территорию. В методологии статистического учета конфликтов – прежде всего в рамках двух крупнейших в мире баз данных по конфликтам университетов Упсалы (Швеция) и Мэриленда (США) – это определение дополнено и минимальным порогом интенсивности: гибелью в течение года не менее 25 человек.

В целом за два десятилетия после окончания холодной войны общее число вооруженных конфликтов значительно уменьшилось. Согласно Программе данных о вооруженных конфликтах Упсальского университета, их число с участием государств сократилось на 40%: с 52 конфликтов в 1991–1992 гг. до всего 29 в 2003 г. (самый низкий показатель с 1970-х гг.)¹. Еще сильнее снизилось количество особо крупных и интенсивных конфликтов и войн [Harbom, Wallensteen, 2007].

Такие тенденции, как отход от крупных конвенциональных межгосударственных войн, преобладание внутригосударственных конфликтов, размывание их границ, растущая роль вооруженных негосударственных игроков, появление новых типов конфронтаций и т. д. не могли не отразиться на динамике и структуре людских потерь в ходе боевых действий. За истекшее двадцатилетие общее число военных и гражданских потерь в живой силе, понесенных непосредственно в результате столкновений между комбатантами, значительно снизилось. Это стало продолжением более долгосрочной тенденции: хотя динамика боевых потерь в течение всего периода после окончания Второй мировой войны была крайне противоречивой, их общее число неравномерно сокращалось еще с 1950-х гг. Так, если в 1950 г. в ходе военных действий в мире были убиты 700 тыс. человек, то в 2002 г. – 20 тысяч [Human... 2005; 2008].

Столь значительное снижение масштаба людских потерь в ходе военных действий объясняется, с одной стороны, тем, что изменился сам характер вооруженной борьбы. На смену обычным войнам средней интенсивности, которые зачастую велись при поддержке одной или обеих сверхдержав в рамках биполярной системы, в основном пришли внутренние конфликты в странах и регионах со слабой или нефункциональной государственной властью. В таких конфликтах вооруженные силы обычно противостоят не повстанческим армиям, а относительно небольшим вооруженным группировкам, которые, однако, могут быть хорошо подготовлены и вооружены. Засады, небольшие стычки и нападения на гражданское население преобладают над классическими столкновениями комбатантов.

С другой стороны, на каждую относительно явно выраженную позитивную тенденцию в динамике конфликтов и других форм вооруженного насилия приходится и негативные изменения, частично уравновешивающие ее эффект. Так, тенденция к спа-

---

¹ Статистика Упсальской базы данных регулярно публикуется в трех основных источниках: докладах Проекта по гуманитарной безопасности (Канада), “Ежегодниках СИПРИ” (Стокгольмский международный институт исследований проблем мира) и ежегодных обзорах, подготовленных специалистами Упсальской базы данных для “Journal of Peace Research”, который издается Институтом исследования мира в Осло (Норвегия).

ду вооруженных конфликтов исчерпала себя к середине 2000-х гг.: общее их число перестало снижаться, стабилизировавшись на уровне 32 инцидентов в год в 2004–2006 гг. (в 2007 г. оно даже несущественно возросло – до 34) [Harbom, Melander, Wallensteen, 2008]. Несмотря на сократившееся с начала 1990-х гг. общее количество вооруженных конфликтов, число вовлеченных в них государств возрастало, что свидетельствует о растущей их интернационализации. Тенденция к снижению потерь среди военных и гражданских лиц непосредственно в ходе боевых действий между вооруженными комбатантами нивелируется высоким уровнем насилия с их стороны, причем не столько друг против друга, сколько против безоружного гражданского населения.

Следовательно, сокращение общего числа конфликтов и боевых потерь в них отчасти “компенсируется” нарастанием других форм и методов насилия. В отличие от конвенциональных войн с участием государства, число которых снизилось с начала 1990-х гг., в динамике негосударственного вооруженного насилия выраженного спада не наблюдалось. Естественно, конфликты между негосударственными группировками обычно менее интенсивны и смертоносны, чем конфликты с участием государства, но объектом насилия в них все чаще становятся не только и не столько вооруженные оппоненты (комбатанты), сколько мирное население. Именно против него в конечном счете направлены терроризм, этноцид, межобщинное насилие и пр.

Одностороннее насилие: проблемы определения и учета

Коллективное вооруженное насилие в контексте того или иного конфликта не сводится лишь к конфронтации между его непосредственными участниками. Одна из наиболее смертоносных его форм – прямое и намеренное применение вооруженным игроком (будь то правительственная армия, повстанцы, полевые командиры и т.п.) силы против гражданского населения, так называемое *одностороннее насилие*. Главное его отличие от конфликта “в чистом виде” состоит в том, что оно, выходя за рамки вооруженного противоборства собственно комбатантов, обрушивается на мирных жителей. Гражданские лица, убитые преднамеренно (в ходе теракта в общественном месте; этнических чисток; вынужденно перемещенные лица, атакованные в лагерях для беженцев; жертвы геноцида и других массовых преступлений против человечества), не могут считаться комбатантами, то есть сторонами конфликта.

Акты одностороннего насилия (те же теракты) могут совершаться и в условиях мирного времени и тогда их сознательная направленность против гражданских лиц, как правило, не вызывает особых сомнений. Однако в настоящее время подавляющее большинство проявлений одностороннего насилия в мире связано с вооруженным противостоянием и происходит в конфликтных зонах. В этих условиях главная трудность в выявлении актов одностороннего насилия в том, чтобы отличить их от ненамеренных, неизбирательных ударов вооруженных игроков по позициям друг друга, в ходе которых также могут гибнуть гражданские лица (такие жертвы квалифицируются в военных сводках как “побочный ущерб”).

Никакие достижения в области создания высокоточного оружия пока коренным образом не изменили практику *неизбирательного* применения комбатантами силы друг против друга. Оно неотделимо от большинства современных методов ведения войны. Хотя такое насилие и направлено в основном против военных позиций врага, оно нередко ведет к жертвам среди мирного населения (например, в условиях перекрестного огня или ведения боевых действий в густонаселенном районе, особенно в городской среде). Даже проводимые с помощью самого современного оружия, доступного только армиям государств (вспомним авиаудары США и НАТО в Афганистане или операции Израиля против движений Хезболлах в Ливане в 2006 г. и Хамас в секторе Газа в декабре 2008–январе 2009 г.), высокотехнологичные военные операции оборачиваются “побочными” жертвами среди гражданского населения, часто масштабными. В отличие от такого неизбирательного насилия, когда мирные люди гибнут “по ходу дела”, одностороннее насилие – не просто технологически неизбежный сопутствующий эф-

фект современных форм ведения войны, а результат *сознательного* политического и стратегического выбора того или иного вооруженного игрока.

Главная сложность в разграничении одностороннего насилия и “побочного ущерба” – как раз определение наличия сознательного намерения комбатанта применить силу против мирных жителей. Это необходимо как в целях систематического сбора и учета научных данных, так и с точки зрения юридической, международно-правовой оценки таких действий. Если для отдельных видов одностороннего насилия (например, терактов в общественных местах) их преднамеренный характер и нацеленность на гражданских лиц самоочевидны, то в других случаях выявление подобных мотивов затруднено. Комбатант может заявлять, что наносит удары лишь по военным целям, но при этом использовать системы вооружений, которые либо по определению неизбежны (противопехотные мины, активируемые предполагаемыми жертвами), либо имеют неизбежный эффект при использовании в густонаселенных районах (касетные бомбы). Не всегда легко вычленить “намеренное” и “прямое” одностороннее насилие в тех случаях, когда оно – часть межобщинного или меж- и внутриплеменного (кланового) противоборства либо локальной вооруженной борьбы за власть и ресурсы в зонах нестабильности, которое может и не иметь отношения к основной линии вооруженного противостояния в данном конфликте. Распространенная ситуация в таких конфликтных/постконфликтных зонах – смесь одностороннего, (полу)криминального насилия, в котором почти невозможно провести грань между политическими и криминально-материальными мотивами [Stepanova, 2010].

Другая проблема учета одностороннего насилия – то, что многие его инциденты и жертвы в них вообще не регистрируются. Исключения составляют лишь чрезвычайно крупные акции, которые трудно провести незаметно: геноцид, теракты. Такие действия хорошо отражены статистически, ибо они специально нацелены на максимальное тиражирование информации о числе жертв. Однако данные о большинстве других форм одностороннего насилия обычно фрагментарны, а иногда и специально скрываются. В целом даже информация о военных и гражданских потерях в живой силе в результате боевых действий более доступна, чем сведения об актах одностороннего насилия.

Одностороннее насилие: общие тенденции

Долгое время систематический учет акций, кампаний, акторов и жертв данной формы насилия практически не велся. Первая такая база данных была создана в Упсальском университете только в 2002 г., и на данный момент она охватывает период с 1989 по 2007 г. Но даже ее создатели признают, что содержащаяся в ней статистика ограничена подтвержденными фактами. Более того, их учет ограничен, как отмечалось выше, лишь достаточно масштабными акциями – кампаниями, приведшими к гибели не менее 25 человек в течение года [Uppsala...].

Тем не менее и эта ограниченная статистика говорит о многом. За период с 1989 по 2007 г. в кампаниях одностороннего насилия в мире приняли участие 166 отдельных вооруженных акторов (в среднем – 30 в год), на счету которых, по самым строгим оценкам – порядка 635 тыс. убитых. Подавляющее их число – почти полмиллиона человек – пришлось всего на одну катастрофическую по масштабам акцию одностороннего насилия – геноцид 1994 г. в Руанде, которому подверглись тутси и так называемые умеренные хуту.

Африка вообще лидирует по всем параметрам одностороннего насилия против гражданского населения. Даже без руандийского геноцида за период с 1989 г. на страны этого континента пришлось 53% всех убитых в результате одностороннего насилия в мире (см. рис.). С учетом указанной катастрофы данный показатель увеличивается до 90%. По числу акторов одностороннего насилия с 2003 г. с Африкой сравнялась Азия, что отражает его рост в таких странах, как Афганистан, Индия, Индонезия, Пакистан, Филиппины и т.д.

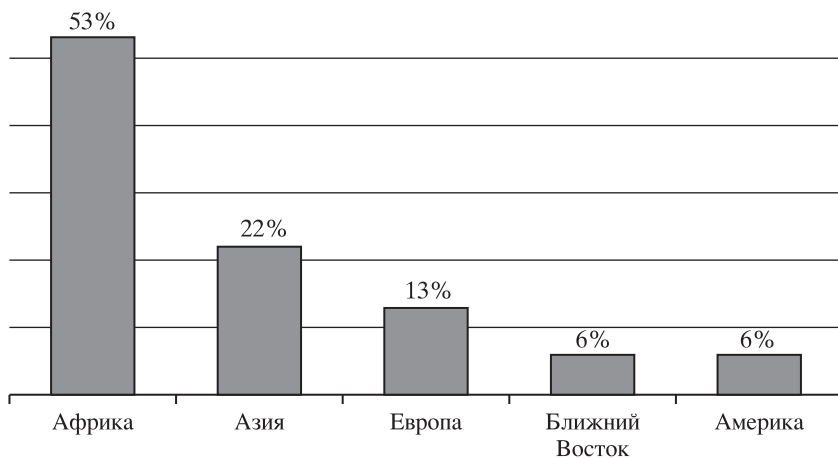

Рис. Убитые в результате одностороннего насилия в 1989–2007 гг. (в %, без учета геноцида 1994 г. в Руанде).

Источник [Uppsala...].

В отличие от динамики вооруженных конфликтов, демонстрирующей на протяжении последних 20 лет стабильную тенденцию к сокращению, динамика одностороннего насилия носит крайне неравномерный характер, а его уровень сильно колеблется год от года. Что важнее, анализ всех его показателей не позволяет выделить тенденцию к снижению. С одной стороны, с конца 1990-х гг. количество акторов, развязывавших кампании одностороннего насилия против гражданского населения, возросло незначительно, колеблясь на уровне 30 в год (пик их активности пришелся на 2002 и 2004 гг. – тогда это число достигло 40) [Harbom, Wallensteen, 2009, p. 75]. С другой стороны, в среднем число актов одностороннего насилия в 2000-е гг. было выше, чем в предыдущее десятилетие, хотя смертоносность в них была, наоборот, несколько ниже [Human... 2008, p. 42]. Из этого следует, что масштаб и интенсивность одностороннего насилия могут резко варьироваться в зависимости от его типа и цели (от полного уничтожения той или иной группы населения, например, целого этноса, до устрашения путем нанесения ограниченного ущерба гражданским лицам или так называемого коллективного наказания).

По масштабу и интенсивности одностороннего насилия можно выделить две его основные формы². Первая – крайне интенсивные и масштабные акции массовых убийств гражданского населения, вплоть до геноцида. Их отличает высокая смертоносность, но они довольно редки: трагедии масштаба геноцида в Руанде, Камбодже или холокоста происходят раз в несколько десятилетий. Эти избиения осуществляются достаточно крупными политическими игроками, половину из которых за последние 20 лет составили государства. Инициаторов таких действий обычно нетрудно идентифицировать: правительство Руанды и Демократической республики Конго (ДРК); движение Талибан и Аль-Каида. До сих пор львиная доля внимания со стороны мировых СМИ и международных организаций приходится именно на такие чрезвычайно редкие, но масштабные кампании по уничтожению мирного населения (во многом под влиянием резонанса от геноцида в Руанде, который мировое сообщество не только не смогло, но и даже не пыталось предотвратить).

Тем не менее современную картину одностороннего насилия определяют не эти, к счастью, редкие единовременные акции массового уничтожения людей, а вторая его

² Помимо масштаба и интенсивности, одностороннее насилие можно классифицировать и по другим принципам, например по типу актора, или в соответствии с тем, осуществляется ли такое насилие в условиях вооруженного конфликта или в мирное время.

форма – несравнимо более распространенные, регулярные и систематические атаки против гражданского населения, предпринимаемые почти на *рутинной основе* большинством вооруженных игроков разных типов практически во всех конфликтных и постконфликтных зонах.

Одностороннее насилие в конфликтах и за их рамками

Хотя одностороннее насилие следует отличать от вооруженного конфликта как такового, они тесно взаимосвязаны. По статистике почти в 88% случаев указанный тип насилия происходит в той или иной стране одновременно с вооруженным конфликтом [Sundberg, 2009, p. 14]. Так, в Африке наиболее проблематичные с точки зрения одностороннего насилия государства – именно те, где происходят наиболее затяжные и интенсивные военные действия – Бурунди, ДРК, Руанда, Судан, Уганда. В том, что касается жертв одностороннего насилия, картина еще более категоричная: 99% убитых в результате всех его форм приходится на страны, ставшие ареной вооруженных конфликтов [Eck, Hultman, 2007, p. 237]. Ответственность за одностороннее насилие против гражданского населения несут участвующие в конфликте вооруженные игроки, но не обязательно только они. Поэтому порой весьма непросто провести грань между намеренным односторонним насилием и “побочным ущербом”, понесенным мирным населением в результате столкновений комбатантов.

Высокий уровень и распространенность одностороннего насилия, особенно в конфликтных зонах, остаются одним из факторов, ведущих к росту числа беженцев и внутренне перемещенных лиц – с 17,4 млн в 1997 г. до 26 млн в 2007 и 2008 гг. [Internal... 2009, p. 13, 15]. Принципиально новый момент, по сравнению с предыдущим периодом, состоит здесь в том, что потоки беженцев – не просто “побочный эффект” ведущихся военных действий. Они становятся одной из главных, прямых целей вооруженных атак, то есть *объектом* одностороннего насилия. Если гражданское население, вынужденно перемещенное под угрозой вооруженной конфронтации, как правило, стремится вернуться в места проживания, как только там будут обеспечены элементарные условия безопасности, то вероятность возвращения домой перемещенных лиц, ставших объектом одностороннего насилия, – гораздо ниже даже в долгосрочной перспективе.

Несмотря на тесную связь между конфликтами и односторонним насилием, их соотношение не носит характер линейной взаимосвязи. В частности, крупные акты одностороннего насилия против гражданских лиц могут предшествовать началу вооруженного конфликта или продолжаться после его завершения. Такие методы, как теракты, резня на этноконфессиональной почве и т.д., могут специально применяться на предконфликтном этапе с целью разжечь вооруженное противостояние и добиться его эскалации. Они же могут преследовать конкретную цель срыва наладившегося мирного процесса на постконфликтном этапе. Точно так же усилия по урегулированию конфликта между воюющими сторонами еще не гарантируют автоматического прекращения актов одностороннего насилия против мирных жителей. Для снижения его уровня решающим фактором в большей степени выступает восстановление/создание функциональной государственной власти, способной наладить минимальный порядок и условия безопасности и имеющей поддержку хотя бы части местного населения, чем мирный процесс как таковой.

Важно подчеркнуть, что в глобальном масштабе вооруженные конфликты и одностороннее насилие в основном демонстрируют *разнонаправленные* тенденции. С одной стороны, непосредственно в ходе противостояния между комбатантами все еще погибает в среднем в два раза больше людей (включая самих комбатантов и гражданских лиц – жертв “побочного ущерба”), чем от одностороннего насилия [Eck, Hultman, 2007, p. 241]. С другой стороны, если число конфликтов и убитых в результате военных действий за последние 20 лет значительно снизилось, то *никакого выраженного снижения уровня одностороннего насилия в мире не наблюдается*. Более того, за по-

следние 20 лет число акторов – участников одностороннего насилия достигло своего пика (40) в начале 2000-х гг. – именно тогда, когда число конфликтов, наоборот, максимально сократилось. Это – одно из свидетельств того, что потенциал вооруженного насилия в мире не столько однозначно и устойчиво снижается, как полагают некоторые оптимистично настроенные западные исследователи [Human... 2005], сколько видоизменяется. А спад одних его форм компенсируется подъемом других.

Наконец, хотя бóльшая часть одностороннего насилия в мире приходится на зоны конфликтов, в среднем до 12% всех его случаев все же происходит *в условиях мирного времени*, в странах, не являющихся ареной вооруженного соперничества. Если, например, в Европе процент одностороннего насилия в мирное время минимален, то в Африке этот показатель достигает 20% [Sundberg, 2009, p. 14]. Примерами крупных кампаний одностороннего насилия в условиях мирного времени может служить и применение бразильской полицией силы против жителей трущоб в ходе антикриминальной кампании в 2005 г., и массовое уничтожение гражданских лиц криминальной группировкой “Мара Сальватруча” в Гондурасе в 2004 г. в отместку за ужесточение борьбы с преступностью со стороны правительства.

Сравнительная роль государств и негосударственных игроков в одностороннем насилии

Следует отметить, что как масштабное и систематическое одностороннее насилие против гражданского населения, так и непропорциональный “побочный ущерб”, понесенный им в результате неизбирательного применения силы в ходе вооруженного конфликта, запрещены Дополнительными протоколами I и II 1977 г. к Женевским конвенциям. В этом контексте возникает вопрос: а в чем практический смысл разграничения между обоими этими прямыми нарушениями международного гуманитарного права? Если речь идет о гибели, особенно массовой, мирных граждан, не все ли равно, в какой ситуации они были убиты (тем более, что четкую грань между гибелью гражданских лиц в результате одностороннего насилия или в форме “побочного ущерба” военных действий не всегда возможно провести).

Необходимость в таком разграничении имеет значение по многим причинам. Среди прочего, оно помогает ответить на вопрос: игроки какого типа (например, государства или негосударственные группировки) наиболее активны в вооруженном насилии против мирных жителей? Ответ зависит именно от того, каким образом применялось насилие против гражданского населения. Например, пока мало известен, но статистически уже четко подтвержден факт, что основную ответственность за акты одностороннего насилия против гражданского населения на нынешнем этапе несут именно *негосударственные игроки*. За последние 20 лет они составили 70,5% всех акторов одностороннего насилия (117 из 166) [Uppsala... Sundberg, 2009, p. 16]. Причем эта тенденция развивалась во восходящей: если в 1990-х гг. соотношение негосударственных игроков к государствам в среднем составляло 2:1, то к 2004 г. – уже 3:1. Соответственно, если до 2000 г. львиная доля людских потерь от одностороннего насилия все еще приходилась на счет государств, то после 2001 г. и здесь ведущая роль перешла к негосударственным акторам [Harbom, Wallensteen, 2009, p. 75–76]. И если исключить беспрецедентный по масштабу руандийский геноцид, то в остальном мире за период 1989–2007 гг. на счету государственных акторов было около 56,4 тыс. жертв одностороннего насилия, а на счету негосударственных вооруженных игроков – более 78,3 тыс. Это соотношение варьируется от региона к региону. Так, в Европе, обеих Америках и на Ближнем и Среднем Востоке число убитых негосударственными игроками намного превышает количество жертв одностороннего насилия со стороны государств, в то время как в Африке и Азии данная пропорция составляет почти 1:1 [Uppsala...].

Особую роль в активизации негосударственных акторов одностороннего насилия играет все более активное использование ими террористических методов – *преднамеренного асимметричного применения насилия или его угрозы против гражданского*

населения ради достижения политических целей. Будучи одной из разновидностей одностороннего насилия, терроризм, однако, не сводится лишь к прямым ударам по гражданским мишеням, и не они – его конечная цель. Терроризм – асимметричное использование более слабым вооруженным игроком одностороннего насилия как инструмента давления на более сильного и более высокого по статусу противника (государство, группу государств или международное сообщество) с целью широкой общественной дестабилизации. В 1998–2007 гг. все основные количественные показатели глобальной террористической активности (число терактов и их жертв) возросли в несколько раз. При этом особенно бурный их рост наблюдался после событий сентября 2001 г. в США в основном за счет все более частого использования террористических практик повстанцами в Ираке с 2004 г., а также вооруженными исламистами в Афганистане и Пакистане в 2007–2008 гг.³

Усиление роли негосударственных игроков в одностороннем насилии – часть более широких тенденций, таких как общий рост числа негосударственных игроков в качестве комбатантов, а также фрагментация вооруженного насилия и диверсификация его участников, особенно в ослабленных и нефункциональных государствах. В то же время, роль государства в одностороннем насилии против гражданского населения, которое в основном применяется ими в контексте контрповстанческих операций, несколько снижается [Stepanova, 2009, p. 43–44; Eck, Hultman, 2007, p. 240]. Однако это не дает особого повода для оптимизма, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, столь позитивная тенденция частично перекрывается ростом вооруженной активности (в том числе, против гражданского населения) со стороны проправительственных негосударственных игроков. Ими могут быть лояльные центральному правительству и активно вооружаемые им кланово-племенные объединения (джанджавит в суданском Дарфуре); группы бывших повстанцев, перешедшие на сторону правительства (силы “полковника Каруны”, отколовшиеся от повстанческой группировки “Тигры освобождения Тамил Илама” на Шри-Ланке), и т.д. Хотя такие акторы в целом выступают на стороне правительственных сил, они могут сохранять высокую степень автономности и активно участвовать в одностороннем насилии.

Во-вторых, государства все еще продолжают лидировать в нанесении неизбежного “побочного” гражданского ущерба в ходе военных действий – например, в результате артиллерийского или авиаобстрела позиций противоборствующей стороны в густонаселенном районе. Это не означает, что негосударственные группировки не прибегают к таким же методам. Просто они по мере возможности предпочитают провоцировать государство и армию на неизбежные военные удары – например, путем использования населения в качестве “живого щита” или блокирования исхода гражданских лиц из зоны конфликта, как это, например, широко практиковали “Тигры”.

* * *

При всей неравномерности и неоднозначности динамики одностороннего насилия, налицо явная тенденция к все более широкому его применению вооруженными негосударственными акторами. Хотя в глобальном масштабе государства и перестали быть главными виновниками насилия против гражданского населения и даже могут прилагать значительные усилия к борьбе против отдельных его видов (например, терроризма), это пока не привело к какому-либо заметному снижению уровня одностороннего насилия в мире. Если в каком-либо конфликтном/постконфликтном регионе на сегодняшний день все же наблюдается некоторый его спад, это чаще связано не столько с сознательным отказом от него комбатантов и тем более с соблюдением всеми вооруженными игроками положений международного гуманитарного права, сколько

---

³ Подробнее о проблемах определения терроризма и тенденциях на основе существующей статистики см. [Stepanova, 2008, p. 2–5, 11–14; Степанова, 2010].

с консолидацией однородных в этноконфессиональном отношении общин или с формированием (хотя бы минимально) функциональных местных властей (за которыми, правда, могут числиться иные серьезные нарушения прав человека).

Совокупное число людских потерь от разных форм вооруженного насилия – от конфликтов до одностороннего насилия – в сочетании с их более широкими последствиями для общества делает именно гражданское население основным объектом и жертвой современного коллективного насилия. Это заставляет обратить внимание на тенденцию к пока еще медленному и постепенному пересмотру понимания категории “безопасность”. Оно развивается от более традиционной, военизированной интерпретации понятия “национальная безопасность”, восходящей к противодействию преимущественно внешним военным угрозам, к концепции “гуманитарной безопасности”, или “безопасности человека” (*human security*). В ее трактовке акцент прежде всего делается на более широкий спектр угроз безопасности гражданского населения. Основные вызовы, порождаемые глобальным ростом коллективного вооруженного насилия, несут угрозы именно безопасности человека и общества. Так что означенная концепция – не просто расхожее клише для международных бюрократов или внутрикорпоративная этика гуманитарного сообщества, а прямое отражение жестких современных реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Степанова Е.* Глобальные тенденции в развитии современных вооруженных конфликтов // Union Magazine. 2009. No. 1.
- Степанова Е.А.* Государство и человек в современных конфликтах // Международные процессы. 2008. № 1.
- Степанова Е.А.* Терроризм в асимметричном конфликте. М., 2010.
- Eck K., Hultman L.* One-sided Violence against Civilians in War: Insights from New Fatality Data // Journal of Peace Research. 2007. No. 2.
- Harbom L., Melander E., Wallensteen P.* Dyadic Dimensions of Armed Conflict, 1946–2007 // Journal of Peace Research. 2008. No 5.
- Harbom L., Wallensteen P.* Armed Conflicts, 1989–2006 // Journal of Peace Research. 2007. No. 5.
- Harbom L., Wallensteen P.* Patterns of Major Armed Conflicts, 1999–2008 // SIPRI Yearbook 2009: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2009.
- Human Security Brief 2007. Vancouver, 2008.
- Human Security Report 2005: War and Peace in the 21st Century. New York, 2005.
- Internal Displacement: Global Overview of Trends and Developments in 2008. Geneva, 2009.
- Stepanova E.* Crime and Criminal Violence in Armed Conflicts // SIPRI Yearbook 2010: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2010.
- Stepanova E.* One-sided Violence against Civilians in Armed Conflicts // SIPRI Yearbook 2009: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2009.
- Stepanova E.* Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. Oxford, 2008.
- Sundberg R.* Revisiting One-sided Violence: a Global and Regional Analysis. Uppsala Conflict Data Program. Paper No. 3. Uppsala, 2009.
- Uppsala Conflict Data Program. Dataset: One-sided Violence against Civilians, 1989–2008 (http://www.pcr.uu.se/research/UCDP/data_and_publications/datasets.htm).